

Андрей Россомахин

Последняя радикальная декларация Маяковского и ее экономический аспект

Поэт всегда должник вселенной...

В. Маяковский

Казну посоуvestить лапастую...

В. Маяковский

1

Воздействие экономики на писательскую практику Владимира Маяковского еще ждет детального и разностороннего исследования. Собственно, при изучении жизни и творчества многих литераторов экономический аспект их деятельности может быть очень важным, существенно корректируя парадигму восприятия их произведений. На сегодняшний день, насколько нам известно, есть лишь один пример детального отечественного исследования оппозиции *поэзия vs коммерция/рынок* — на примере экономических стратегий Н. А. Некрасова; все знают его как классика русской литературы, но не всем известно, что он был весьма успешным предпринимателем. Автор монографии о Некрасове справедливо отмечает:

В [западных] работах, анализирующих материальную сторону жизни самых разных литераторов, уже было показано, какую огромную роль экономические интересы играли в творчестве не только таких предпринимателей по духу, как, например, Марк Твен, но и писателей, объявлявших себя незаинтересованными творцами, например Генри Джеймса или Т. С. Элиота. Поэтому случай Некрасова не исключение, а правило. Необычна только высокая степень «публичности» его коммерческой деятельности. <...>

К сожалению, отечественная филология оказалась не чужда представлений о враждебности «коммерции и словесности» и потому почти не предпринимала попыток исследовать позитивное воздействие экономики на литературу. Мы знаем работы, созданные в рамках формальной школы в конце ее существования, представляющие собой подборку эмпирического материала, но не содержащие метода работы с ним. Неудачей закончились поиски таких методов, предпринятые школой, получившей прозвище «вульгарно-социологической», в значительной степени из-за слабости ее теоретических предпосылок. И в современной актуальной критике мы видим высказывания о неприятии того, что почему-то называется «неомарксизмом», нежелание связывать себя с «скомпрометированной» традицией, исследовать зависимость искусства от «низкой» реальности человеческой жизни. Работы, созданные в России и касающиеся взаимосвязи экономики и литературы, очень немногочисленны¹.

Вероятно, ни один другой поэт не посвятил так много стихов сфере экономики и финансов, как Маяковский. У него можно выделить большой «финансовый цикл»: в 1920-е годы поэт постоянно откликается на экономические решения Совнаркома, Наркомфина, Высшего совета народного хозяйства; касается тем оборота монет, банкнот и ценных бумаг, курса рубля, процентов по вкладам, госзаймов, налогообложения разных социальных категорий, вопросов производственно-торговой кооперации и т. п.

Помимо многочисленных публикаций в периодике, было издано два десятка плакатов экономической тематики с лозунгами и/или стихами Маяковского (художники М. Черемных, Н. Купреянов, А. Родченко). Эти плакаты издавались в течение 1921–1924 годов по заказам Главполитпросвета, Госиздата, Народного комиссариата финансов, Московского городского совета профсоюзов и Кооперативного издательства. Эти плакаты пропагандировали денежную реформу (появление так называемых «твердых денег»), жилищно-строительный займ, государственный выигрышный золотой займ, кооперацию в сельском хозяйстве.

В 1924–1925 годах отдельными книгами вышли агитлубки Маяковского на экономические темы, совокупным тиражом 294 тыс. экз.:

¹ *Макеев М.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008. С. 6. Главная из ранних работ на тему экономики и литературы: *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция (Книжная лавка А. Ф. Смирдина) / под ред. В. Шкловского и Б. Эйхенбаума. М., 1929 (переиздание: М., 2001). Из относительно недавних работ упомянем: *Ястребов А. Л.* Богатство и бедность. Поэзия и проза денег. М., 1999; *Куляпин А. И.* Тариф на рифмы: дискурс торга в советской литературе 1920–1930-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2004. № 4(34). С. 78–80 (эта работа очень бегло затрагивает фигуру Маяковского); *Белых А.* Мог ли Пушкин вернуть долги? // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 3. С. 176–191.

1. Ткачи и пряжи, пора нам перестать верить заграничным баранам. (В соавторстве с Н. Асеевым). — М.: Трест Моссукуно, 1924. — 6000 экз.
2. Рассказ о Климе, купившем крестьянский заем, и Прове, не подумавшем о счастье своем. (В соавторстве с Н. Асеевым²). — М.: Изд-во Финансовой газеты, 1924. — 200 000 экз.
3. Рассказ про то, как узнал Фадей закон, защищающий рабочих людей: Кодекс законов о труде. (В соавторстве с С. Третьяковым и С. Адливанкиным). — М.: Труд и книга, 1924. — 30 000 экз.
4. Одна голова всегда бедна, а потому и бедна, что живет одна. (В соавторстве с Н. Асеевым). — М.: Кооперативное изд-во, 1924. — 20 000 экз.
5. Рассказ о том, путем каким с бедой управился Аким. (В соавторстве с Н. Асеевым). — М.: Кооперативное изд-во, 1925. — 28 365 экз.
6. Сказка про купцову нацию, мужика и кооперацию. (В соавторстве с Н. Асеевым). М.: Центросоюз, 1925. — 10 000 экз.

Попутно назовем еще ряд агит-стихотворений с характерными заглавиями: «Буржуй, — прощайся с приятными деньками — добьем окончательно твердыми деньгами» (1924), «Твердые деньги — твердая почва для смычки крестьянина и рабочего» (1924), «Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем!» (1926), «Мечта поэта» (об облигациях госзайма для поддержки индустриализации; 1926), «Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь» (1927) и др.

Помимо госзаказов, кратко отметим еще более масштабную работу Маяковского над коммерческой визуальной рекламой — в том числе около 200 плакатов, этикеток, упаковок, вывесок и световых витрин. Прочитируем фрагмент из воспоминаний Александра Родченко (именно в соавторстве с ним была сделана большая часть рекламной продукции — по заказам Моссельпрома, Добролета, ГУМа, Мосполиграфа, Госиздата, Резинотреста, «Огонька», Чаеуправления и др.):

1924 год. Работа над советской рекламой — создание нашей новой рекламы — шла на полный ход. Володя писал тексты на рояле вечером, днем брал заказы или сдавал.

Я с двумя студентами ВХУТЕМАСа рисовал до утра. Это был ажиотаж — и не из-за денег, а чтобы продвинуть новую рекламу всюду. <...>

К работе над советской рекламой он относился очень серьезно. Так, Володя составил расценки всяких рекламных работ, в них все было тарифицировано: текст, эскиз, художественное исполнение. Мною был сделан альбом наших работ для показа заказчикам. <...>

² Издано без указания авторов. В конце книги дано объявление о крестьянском займе.

Вся Москва была в наших рекламах. Все киоски Моссельпрома, все вывески, все плакаты, все газеты и журналы были наполнены ими. Мы полностью завоевали Москву и полностью сдвинули или, вернее, переменили старый, царски-буржуазно-западный стиль рекламы на новый, советский...³

По сути, они создали креативное агентство и даже брендовали свой тандем, маркируя продукцию фирменным знаком «Реклам-конструктор Маяковский–Родченко»; апогей их рекламной деятельности пришелся на 1924–1925 годы.

Но если все перечисленное — это лубочные агитки, коммерческая реклама или зарифмованная пропаганда, то знаменитый «Разговор с фининспектором о поэзии» — совершенно особый случай.

В мае 1926 года Владимир Маяковский предпринял одну из последних своих радикальных эскапад — достойную встать в ряд с яркими эпатажно-манифестарными акциями футуристической юности 1912–1918 годов: он отдал в печать стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии».

14 мая поэт заключил договор с тифлисским издательством «Заккнига» на издание двумя отдельными книжками стихотворений «Разговор с фининспектором о поэзии» и «Сифилис», сразу же сдал их рукописи Василию Катаняну, заместителю директора издательства. (Буквально тремя неделями ранее «Заккнига» выпустила отдельной книжкой стихотворение «Сергею Есенину», произведшее огромный эффект еще до публикации, а затем перепечатанное в ряде газет и журналов). По условиям издательского договора, права передавались на полтора года, на тираж до 20 000 экз.; при этом печатать планировалось по 5000 экз., с возможностью последующих донечеток по мере реализации. Сразу при подписании договора Маяковскому был выплачен гонорар за первые два тиража (из расчета 50 коп. за стихотворную строку первых 5000 экз. и 25 коп. за строку за каждые последующие 5000 экз.)⁴.

Уже через месяц, во второй половине июня, «Разговор с фининспектором...» был издан в Тифлисе в виде отдельной книжки, в фотомонтажном оформлении Александра Родченко. В октябре стихотворение перепечатал журнал «Новый мир» (1926. № 10. С. 102–109), тиражом 12 500 экз.⁵

³ *Родченко А.* Работа с Маяковским // Маяковский — Родченко. Классика конструктивизма / сост. А. Лаврентьев. М., 2004. С. 88–91. См. также более подробно в полной версии воспоминаний художника «Работа с Маяковским» (1940): *Родченко А. М.* Опыты для будущего. М., 1996. С. 228, 234–235.

⁴ За «Разговор с фининспектором о поэзии» поэт получил авансом 231,75 руб. (309 строк × 75 коп.), а за «Сифилис» — 171 руб. (228 строк × 75 коп.). (См. справку издательства Заккнига от 14 июля 1926 года — на с. 29).

⁵ Журнал издавался «Известиями ЦИК СССР и ВЦИК» под редакцией А. В. Луначарского, И. И. Скворцова-Степанова и ответственного редактора В. П. Полонского. Примечательно, что вслед за стихотворением Маяковского в журнале была напечатана статья председателя ЦИК СССР М. И. Калинина «Что делает советская власть для

В своем «Разговоре с фининспектором...» Маяковский вновь апроприировал символическую роль нового Пушкина⁶, двумя годами ранее манифестарно заявленную в стихотворении «Юбилейное». Но важнее другое. Это произведение — не только вдохновенный гимн поэтическому искусству, и не только едкая насмешка поэта над бюрократией. В этом стихотворном манифесте демонстрируются в том числе вещи весьма «деликатного» свойства — уже во второй строфе обозначен уровень писательских доходов, совершенно недоступный для любого рядового гражданина СССР: «В ряду / имеющих / лабазы и угодя / и я обложен / и должен караться. // Вы требуете / с меня / *пятьсот в полугодие* / и двадцать пять / за неподачу деклараций».

Маяковский, будучи чрезвычайно продуктивным, но далеко не самым высокооплачиваемым литератором, публично обозначил уровень писательских доходов, а также попытался побороть бюрократию. Попытка тягаться с левиафаном обескуражила поэта — налог не только не снизили, а увеличили почти в 5 раз (!), поставив его на грань финансового банкротства. Напрашивается логичный вывод — поэта намеренно наказали за дерзость, за вызывающе неполиткорректное поведение. Однако знакомство с неопубликованным корпусом документов так называемого «налогового дела» Маяковского опровергает такую трактовку. Далее будет предложен разбор некоторых концептуальных деталей стихотворения и нюансов его экономического контекста, а также представлена динамика роста налогов Маяковского и его борьбы с финансовым ведомством.

Разбор лефовского контекста «Разговора с фининспектором...», разбор особенностей жанра «разговора» у Маяковского, эротико-обценные⁷ обороты текста, равно как и связь этого стихотворения со знаменитой декларацией «Как делать стихи» (законченной в том же мае 1926 года) мы оставляем за гранью нашего исследования — отсылая читателя к подробному комментарию Леонида Большухина и Оксаны Замятиной на последующих страницах данного тома.

2

Как и многие хрестоматийные тексты, «Разговор с фининспектором...» требует преодоления стертости и инерции долгого советского восприятия, транслировавшего преимущественно клишированные банальности о том,

осуществления демократии» (с. 110–135). В этом же журнальном выпуске приняли участие соратники Маяковского по ЛЕФу — Николай Асеев и Семен Кирсанов.

⁶ Ср.: *Пушкин А. С.* Разговор книгопродавца с поэтом [1824] // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977. Т. 2. С. 174–179. Интересно, что на нескольких афишах своих гастрольных выступлений Маяковский использовал другой вариант заглавия, более коррелирующий с пушкинским: «Разговор поэта с фининспектором».

⁷ См. об этом подробнее: *Шанир М. И.* К семантике «пародического балладного стиха» («Солнце» Маяковского в тени Баркова) // *Universum Versus*. Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 2. М., 2015. С. 67.

что Маяковский утверждал здесь «передовую роль писателя в борьбе за коммунизм» etc., etc.⁸ Акцентируем абсолютно неполиткорректный — саркастичный, скандальный и яростный — стиль и тон «Разговора с фининспектором...», дав три фрагмента. Вот самое начало:

Гражданин фининспектор!
Простите за беспокойство...
Спасибо...
не тревожьтесь...
я постою...
У меня к вам
дело
деликатного свойства:
о месте
поэта
в рабочем строю.
В ряду
имеющих
лабазы и угодья
и я обложен
и должен караться.
Вы требуете
с меня
пятьсот в полугодие
и двадцать пять
за неподачу деклараций.
Труд мой
любому
труду
родствен.

⁸ Пример советской риторики в связи с «Разговором с фининспектором...» см., в частности, в: *Беленький Г., Архангельская Н.* XXVI съезд КПСС и вопросы преподавания литературы // Литература в школе. 1981. № 4. С. 28. Рассуждая об «идейно-эстетическом богатстве стихотворения» и о том, что глубина его восприятия определяется тем, «насколько прочувственно и вдохновенно подано школьникам слово поэта, и тем, насколько эмоционально и интеллектуально подготовлены они к встречам с искусством», советские авторы полностью абстрагируются от реального повода и контекста «Разговора с фининспектором...», предпочитая не замечать его тотальную скандальность, но лишь абстрактно рассуждая о возвышенных эмпиреях. Отметим тем не менее наиболее содержательную советскую работу, затрагивающую аспекты жанра, метафорики и рифмовки «Разговора с фининспектором...» — и подводящую к выводу о том, что данное стихотворение является одной из вершин художественной системы Маяковского: *Сидельникова Т.* «Разговор с фининспектором о поэзии» В. В. Маяковского (жанрово-стилевой анализ) // Жанрово-стилевые проблемы советской литературы. Калинин, 1980. С. 16–25.

И когда
 это солнце
 разжиревшим боровом
взойдет
 над грядущим
 без нищих и калек, —
я
 уже
 сгнию,
 умерший под забором,
рядом
 с десятком
 моих коллег.
Подведите
 мой
 посмертный баланс!
Я утверждаю
 и — знаю — не налгу:
на фоне
 сегодняшних
 дельцов и пролаз
я буду
 — один! —
 в непролазном долгу.
Долг наш —
 реветь
 медногорлой сиреной
в тумане мещанья,
 у бурь в кипеньи.
Поэт
 всегда
 должник вселенной,
платящий
 на гóре
 проценты
 и пени...

Далее Маяковский трижды говорит о том, что строки поэта — это «...ваше воскресение, / ваше бессмертие, / гражданин канцелярист...» Подчеркнем, что госслужащий вновь назван «гражданином», а не «товарищем»: уничижительное «канцелярист», соответствуя низшей чиновничьей должности, имеет в ближайшем семантическом ореоле фразеологизм «канцелярская крыса», на который через несколько строк проецируется еще и «вонь чернил»... (Не исключено, что ослепленный гневом Маяковский, со своей дворянской кровью, на девятом году советского строя подсознательно

Итак, после квазиробкого зачина эта мини-поэма¹² заканчивается яростным рыком, требованием, императивом — а затем лапидарной издевкой («вот вам <...> мое стилó, и можете писать сами!»). Поэт, негодуя по поводу начисленного ему налога («500 в полугодие»), соглашается заплатить 5 рублей, полемически заостряя проблему и утверждая, что справедливый налог должен быть таким — то есть ровно в 100 раз меньше начисленного государственным фининспектором!

Маяковский демонстрирует в своем стихотворении удивительный синтез малосочетаемых тем и жанров. В самом деле:

Во-первых, — это блестящий гимн поэтическому творчеству; ряд строк вошли в язык как устойчивые фразеологизмы, стали крылатыми.

Во-вторых, — это едкая издевка над представителем государственной системы (чиновником, фининспектором, бюрократом), не способным ни на что, кроме как считать чужие деньги и отнимать их.

В-третьих, — это, как часто у Маяковского, обращение к потомкам, адресованное в далекое будущее, а также констатация своего исключительнейшего места в истории русской литературы и в истории своей страны.

В-четвертых, — автор вскоре дополнительно подчеркнул манифестарный характер этого текста: в ноябре 1926 года он сдал в ГИЗ рукопись 5 тома своего собрания сочинений, именно с 5 тома оно и стартовало (издание долго саботировалось и начало осуществляться только после поддержки наркома просвещения А. В. Луначарского). Этот том открывался программным разделом «О поэзии», состоявшим из семи стихотворений: «Разговор с фининспектором о поэзии», «Сергею Есенину», «Письмо Горькому», «Передовая передового», «Послание пролетарским поэтам», «Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот!» и «Четырехэтажная халтура». Таким образом, интересующее нас стихотворение открывало не только этот программный раздел, но и весь том, а по сути — и все собрание сочинений.

Итак, «Разговор с фининспектором о поэзии» — это одновременно гимн творчеству, литературный манифест, социально-политическая декларация («о месте поэта в рабочем строю»), подобие финансового отчета, скандальный жест, а также инвектива в адрес безликого чиновника — артикулированная с неприкрытым сарказмом и едва скрываемым бешенством.

¹² Интересно, что Маяковский назвал свое стихотворение *поэмой* — и в издательском договоре, и в подробном заявлении в Мосфинотдел от 26 августа 1926 года (см. оба документа в настоящем издании), где на пяти листах дал подробнейший перечень своих «производственных расходов», настаивая на том, что должен «облагаться только с суммы в 2505 р<уб>», а не с начисленной фининспектором суммы дохода 9935 руб., что соответствовало почти пятикратному росту налога (2333 руб.) по сравнению с 500 руб. налога, начисленного всего полугодом ранее. (См. также: *Маяковский В. В.* Заявление в Мосфинотдел // *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955–1961. Т. 13. С. 95). Далее — ПСС с указанием тома и страницы).

И вдруг
 звонок:
 приходит некто.
— Пожалте бриться,
 я — фининспектор! —

А я
 ему:
 — Простите, гражданинчик,
прошу
 со мной
 выражаться иначе.

Уйдите,
 свои портфели забрав,
выигрыш
 облагать
 не имеете прав! —

И выиграй
 я
 хотя с миллион,
от меня
 фининспектор
 уйдет посрамлен...

Итак, мы видим, что «гражданин фининспектор» в новом стихотворении назван уже «гражданинчик» — не столько человек, сколько безликая и ничтожная функция, «некто»...

Чрезвычайно интересен собственно экономический аспект рассматриваемого поэтического акционизма.

Комплекс документов так называемого «налогового дела» Маяковского хранится в Рукописно-документальном фонде Государственного музея В. В. Маяковского (ГММ). До самого недавнего времени он не был доступен исследователям. Это более 90 документов на 146 листах: заявления и жалобы поэта в Мосфинотдел и в вышестоящий Наркомфин РСФСР, ответы чиновников на эти жалобы, декларации о доходах, справки из редакций о суммах выплаченных ему гонораров, квитанции и повестки — за период с осени 1923 по весну 1930 года. Все эти материалы финансовое ведомство еще в 1938 году передало в только что на тот момент созданную Библиотеку-музей В. В. Маяковского.

До сего дня лишь три жалобы Маяковского были напечатаны в академическом Полном собрании сочинений в 1961 году¹⁴, но были проигнорированы

¹⁴ В 1940 году были опубликованы два документа из этой подборки — письма в Мосфинотдел от 26 августа и 3 сентября 1926 года (Маяковский: Материалы и исследования / под ред. В. О. Перцова, М. И. Серебрянского. М., 1940. С. 32–34). Позднее эти два письма и еще один документ (заявление в губернскую налоговую комиссию от 31 октября 1926 года) были напечатаны в ПСС (Т. 13. С. 90–95, 98).

еще восемь его собственноручных обращений. С тех пор налоговое дело Маяковского долгие десятилетия оставалось не востребуемым¹⁵.

Однако совсем недавно журналист М. А. Раевская сделала информативный обзор этого корпуса бумаг¹⁶, в расширенном виде он впервые публикуется в данном сборнике. Кроме того, было установлено имя одного из сотрудников Мосфинотдела — Степана Акимовича Журавлева (1892–1980) — вероятно именно ему русская поэзия обязана появлением «Разговора с фининспектором...» В 1924–1929 годах Журавлев был причастен к рассмотрению неоднократных жалоб Маяковского на чрезмерный размер налога и, вероятно, именно его жесткая позиция в ряде случаев не позволила Маяковскому добиться послабления налогового бремени.

Наиболее ценными и информативными в корпусе сохранившихся документов «налогового дела» Маяковского являются пять налоговых деклараций, заполненных поэтом в 1924–1930 годах, а также одиннадцать его писем в налоговые ведомства (они впервые собраны в III разделе данного тома).

Наши подсчеты показывают, что средний *облагаемый* доход Маяковского во второй половине 1920-х годов составлял около 1000 руб. в месяц (то есть около 12 000 руб. в год). Помимо этого, от 30 до 50 % его дохода вычитались из налогооблагаемой базы. Но даже если не учитывать эти суммы и ориентироваться только на облагаемый средний доход 1000 руб. в месяц, то поэта совершенно невозможно отнести к пролетариям. Так, средний доход квалифицированного рабочего на заводе составлял около 70–80 руб. в месяц (то есть около 900 руб. в год)¹⁷. Другими словами, Маяковский зарабатывал

¹⁵ Комментарий в новейшем академическом собрании не затрагивает вопросы реального налогового бремени Маяковского и не освещает факт постоянных протестов поэта по поводу чрезмерного по его мнению налогообложения (см.: *Козловский А. А. [Комментарий] // Маяковский В. В. Полное собрание произведений: В 20 т. М., 2014. Т. 2. С. 588–591*). Далее — ПСП, с указанием тома и страницы). Отметим также эссе Е. Лобкова «О поэзии и прозе жизни (разговоры с фининспектором)», содержащее ряд метких наблюдений, но одновременно и ряд ошибок и не подтвердившихся гипотез (*Лобков Е. Маяковский: Политическая биография. Челябинск, 2010. С. 36–42*).

¹⁶ *Раевская М. «Разговор с фининспектором о поэзии»: Налоговое дело Владимира Маяковского; Чистка Мосфинотдела (1929–1930) // 100 лет финансовым органам города Москвы. М., 2018. С. 30–44, 46–47.*

¹⁷ Зарплата заводских рабочих варьировалась по отраслям и регионам. Средний размер зарплаты рабочего в промышленности и на транспорте в 1928 году составил 70,24 руб. (См.: *Рашин А. Заработная плата и производительность труда в восстановительный период хозяйства СССР // Экономическое обозрение. М., 1928. № 9. С. 78*). Для сравнения: «Средняя месячная зарплата инженерно-технического персонала составляла в 1926/27 г.: в горной промышленности — 200 руб., на железнодорожном транспорте — 190 руб., коммунальной сфере обслуживания — 136 руб., связи — 159 руб., органах землеустройства — 170 руб., у агрономов — 135 руб.» (*Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 180*).

в 13 раз больше заводского рабочего, то есть за месяц зарабатывал больше, чем рабочий за год. При этом вмененный Маяковскому налог превышал весь доход рабочего.

Динамику доходов и налогового бремени Маяковского, составленную нами по материалам его «налогового дела», см. далее в таблице-приложении.

В ноябре 1929 года, при подаче последней налоговой декларации поэта, его совокупный доход был оценен в 21 750 руб. — то есть в среднем 1800 руб. в месяц (после вычета производственных расходов налогооблагаемый доход составил 15 300 руб.).

Уровень дохода Маяковского более продуктивно сопоставлять не с доходами рядовых пролетариев, а с доходами коллег из писательского цеха. Это задача будущих исследователей, но некоторые сопоставления можно сделать уже сейчас. Вячеслав Полонский¹⁸, когда-то напечатавший в журнале «Новый мир» ряд произведений Маяковского (в том числе и «Разговор с фининспектором...»), со знанием дела, но и с острой пристрастностью дает краткий срез писательских доходов в своей дневниковой записи 7 апреля 1931 года:

Писатели не голодают. Зарабатывают больше, чем писатели в любой стране. Никогда писатель не был в такой чести, как теперь. За ними ухаживают. Выдают пайки. Обеспечивают все, что надо. Особенно попутчики: эти — постоянные именинники. <...> Многие получили квартиры в кооперативном доме писателей, т. е. выстроенном на деньги правительства. Леонов зарабатывает тысяч до 50<ти> в год, Пильняк — не меньше. Никифоров, пролетарский писатель, немногим меньше. Новиков-Прибой <...> — тысяч сто в год. Гладков около того. Но несмотря на это — все они недовольны. Им кажется, что их жмут. Всякую попытку фининспектора обложить налогом в пользу государства считают покушением на карман и кричат «караул»¹⁹.

¹⁸ Полонский (Гусин) Вячеслав Павлович (1886–1932) — критик, ответственный редактор журналов «Печать и революция», «Красная нива» (1921–1929) и «Новый мир» (1926–1931). В годы Гражданской войны был председателем Высшего военного редакционного совета, руководил Литературно-издательским отделом Политуправления Красной Армии (ПУРА), организовывал становление плакатной агитации, а затем издал пионерское исследование плаката этой эпохи, где многократно и высоко оценил деятельность Маяковского как ключевого иконографа «Окон РОСТА» (см.: *Полонский В. Русский революционный плакат*. М., 1925. С. 51, 98, 100–101). На протяжении 1927–1928 годов Полонский вел острую полемику с ЛЕФом. В частности, он автор статей «Леф или блеф?» (Известия ЦИК. 1927. № 22, 25 и 27 февраля) и «Критические заметки “Блеф продолжается”» (Новый мир. 1927. № 5). См. также стихотворение Маяковского «Венера Милосская и Вячеслав Полонский» (1927).

¹⁹ «“Мне” эта возня не кажется чем-то серьезно литературным...» (Из дневника Вяч. Полонского. Март–апрель 1931 года) / публ. И. И. Аброскиной // Встречи с прошлым. Вып. 9. М., 2000. С. 307.

Полонский упоминает здесь только прозаиков, с которыми поэтам было сложно конкурировать²⁰. И, конечно, наряду с немногими высокооплачиваемыми писателями было множество таких, которые едва сводили концы с концами. В течение 1930-х ситуация с налогообложением литераторов несколько раз менялась, а после создания в 1934 году Союза советских писателей — как структуры, подконтрольной партийной номенклатуре — наступила совершенно иная эпоха²¹.

К 1936 году публичное обсуждение в прессе писательских гонораров приняло вид политических доносов. См., например, фиксацию спецслужбами откликов в писательской среде на появление статьи А. А. Фадеева «Перо халтурщика» (Правда. 1936. 8 декабря) и статьи И. Г. Лежнева «Вакханалия переизданий» (Правда. 1936. 15 декабря); обе эти статьи стали очередным этапом в разворачивании идеологической кампании по борьбе с «формализмом».

Приведем три цитаты из справки о настроениях среди писателей, составленной 9 января 1937 года комиссаром КГБ Курским по доносам осведомителей (эта справка была подана наркому Н. И. Ежову, который счел ее настолько важной, что передал Сталину). Поэт Илья Сельвинский: «Зачем нужно ссорить читателя с писателем. Рабочий, получающий четырехста рублей, прочтет о стотысячных гонорарах. Он не знает, что половина почти уходит фининспектору, что получению гонорара предшествовали годы работы; <...> и что карликовые тиражи поэтов — по 3–5 тысяч не могут удовлетворить даже библиотеки; таким образом, переиздания поэтов являются по существу доизданиями, приведением тиража к норме, соответствующей читательскому спросу». Леонид Леонов: «“Правда” пишет о ста тысячах. Хорошо, но тогда я вправе требовать, чтобы мне эти сто тысяч дали чистоганом. А где они? Разве Лежневу не известно, что фининспектор забирает из них сорок. Выступать против этого, жаловаться? Это недостаточно. Выйдет так, что мы не писатели, а лакеи и выпрашиваем побольше чаевых». Сергей Буданцев (когда-то одним из первых отрецензировавший поэму «Облако в штанах») в неподцензурном разговоре упомянул уход из жизни Маяковского — как реакцию на политический террор: «Провозглашено внимание к человеку, а у писателя это должно выразиться в том, что он должен скрыть в человеке все человеческое. Десять лет тому назад было несравненно свободнее. Сейчас перед многими из нас стоит вопрос об уходе

²⁰ О переизбытке поэтов, девальвации их продукции и невозможности прокормить себя поэзией ранее писали, например, Осип Мандельштам и Виктор Шкловский (*Мандельштам О.* Армия поэтов // *Огонек.* 1923. № 33. С. 13; № 34. С. 15–17; *Шкловский В.* Техника писательского ремесла. М.; Л., 1927. С. 11).

²¹ В 1936 году, по статистике Союза советских писателей, 2660 писателей жили на 2000 руб. в месяц (средняя зарплата в Москве составляла 271 руб.), однако усредненные цифры нивелируют реальную картину. Положение писателей не было столь уж радужным — большинство из них не могли прокормить себя, занимаясь только лишь литературной деятельностью (см. подробнее: *Антипина В. А.* Повседневная жизнь советских писателей: 1930–1950-е годы. М., 2005. С. 80–93).

из жизни. Только сейчас становится особенно ясной трагедия Маяковского: он, по-видимому, видел дальше нас. Пастернак стал выразителем мнения всех честных писателей. Конечно, он будет мучеником — такова участь честных людей»²² (весной 1938 года Буданцев будет арестован, осужден на 8 лет и погибнет на Колыме).

Ровно через год после гибели Маяковского, 14–15 апреля 1931 года, Вячеслав Полонский сделал в дневнике еще несколько записей, попытавшись отразить не только психотип Маяковского, но и эффективность финансовых стратегий поэта. Полагаем, наблюдения Полонского — ценная иллюстрация к «Разговору с фининспектором о поэзии» — и в том числе, отчасти, реконструкция общения поэта с чиновниками и редакциями:

Про Маяковского нельзя было сказать, что он был крупен. Он был огромен. Все пропорции в нем были преувеличены. <...> Черты лица его были крупны, широкий, мятый рот, широкие скулы, широкий нос — от этого голова его на широких плечах казалась головой Голиафа. Все в нем превышало меру, выходило из ряда, переступало границы, как его голос, его жесты, движения. <...>

Было в нем что-то гремящее, гремучее. Его слава началась со скандалов. Он оскорблял буржуазную толпу, которая ему рукоплескала. <...> Бешенство он постоянно носил в себе. Оно прорывалось во всех его выступлениях. Он наслаждался злобой, какую возбуждал. Он дразнил толпу, играл ею, раздражал. В этом была проба сил. Он хотел власти. Он эту власть имел. Позже, в годы революции, он научился играть с толпой, любовно, смешливо, раздражая ее и забавляя. Но иногда он бросал аудиториям оскорбительные слова: аудитория затихала. <...>

Глаза Маяковского темнели, когда он волновался. Его взгляд становился упорным, магнетическим. Он вообще обладал гипнотической силой. Люди, бывшие около него, не могли противиться его влиянию. Он магнетизировал взглядом, зычностью голоса, размашистостью, монументальностью своей. <...>

Я испытывал эту власть Маяковского. Поэтому я с ним ссорился. Когда он начинал убеждать, широко улыбаясь, скаля зубы, — его рот делался широким — он посмеивался как-то басом, спорил, прерывая, не давая говорить, как-то наседавая, внушая, убеждая тембром густого голоса, тоном, увещевая, подчиняя себе — и действительно — убеждал. С ним нельзя было спорить, когда он хотел убедить в хорошем качестве своих стихов. Он мог убедить в чем угодно — но во мне

²² Цит. по: Спецсправка о настроениях среди писателей / вступ. заметка и примеч. К. М. Поливанова // De Visu. 1992. № 0. С. 35–37.